

В. Г. Белинский

# Повести Безумного



# Виссарион Григорьевич Белинский

## Повести Безумного

Что сказать об этих повестях? Это ни больше, ни меньше, как до крайности неудачная подделка под тон повестей Бальзака и Дюма. Г-н Безумный преуморительным образом корчит из себя особенно Дюма и пренебрежительно обкрадывает его. <...> Подобно Дюма, он создал, или, лучше сказать, сварганил себе апофеоз прелюбодеяния и, взявшись за изображение нравов нашего высшего общества, сделал из него род чего-то такого, чего нельзя и назвать печатно...»

**Виссарион Григорьевич  
Белинский  
Повести Безумного**

*ПОВЕСТИ БЕЗУМНОГО.{1} Москва, в  
типографии Степанова. 1834. (8). 202.*

Как приятно, после зимнего холода, появле-  
ние весеннего солнца, роскошно изливаю-  
щего свою плодородную и зиждительную си-  
лу, животворящего огнем своих лучей все  
прекрасное божие создание! Не есть ли оно  
символ вечнотворящей любви предвечного!  
Какая кипучая жизнь заступает место всеоб-  
щей смерти, когда целое творение проника-  
ется пламенем любви и мириады новых су-  
ществ вызываются из праха ничтожества!..  
Не сходен ли с этим солнцем и гений? Не есть  
ли и он символ творящей силы всемогущего?  
Не производит ли и он также сонмы новых  
созданий, сонмы новых творителей?.. Но увы!  
Как солнце, вместе с муравой и цветами по-  
лей, вместе с златовидными мотыльками, вы-  
зывает и тмы эфемеров, тмы насекомых и  
червей гадких и отвратительных, так и ге-  
ний, виновник созданий красоты и разума,  
бывает вместе неумышленным виновником  
чад безобразия и нелепости. Не «Илиада» ли  
произвела «Энеиду», «Освобожденный Иеру-  
салим» и другие поэмы, и вместе с тем не она  
ли была виною явления «Александрюды»?{2}  
Почти таким же образом юная словесность

произвела, общими силами всех своих представителей, Барона Брамбеуса, а один из ее представителей, слишком талантливый, если не решительно гениальный, Александр Дюма, произвел «Повести Безумного»! Ох, эта беспутная юная словесность! много творит она зла! Поделом так бранит ее «Библиотека для чтения»!..{3}

Наша литература, или по крайней мере то, что называют нашу литературу, представляет самое плачевное зрелище. Сколько молодых людей, которые могли бы быть честными и добросовестными деятелями для блага отечества на разных ступенях общественной жизни, предаются этой жалкой мании авторства, которая делает их предметом всеобщего посмеяния!.. Вместо того чтобы обогащать свой ум познаниями и тем готовиться к занятию какого-нибудь сообразного с их талантами и склонностию места в обществе, устремлять свою деятельность, благородные порывы своего сердца, избыток своих юных сил на святой подвиг жизни и в исполнении своего долга находить свою высочайшую награду, они стремглав бросаются на эту пре-

зренную арену, на этот литературный базар, где толчется и суетится жалкая посредственность, мелочное честолюбие и тешится детскими побрякушками. Для пустого призрака мгновенной известности они безрассудно расточают свои юношеские силы, истощают свою деятельность, становятся неспособными ни к чему дельному и полезному; и что же изо всего этого выходит? Завеса спадает с глаз, похмелье проходит, остается головная боль, сердце пусто, самолюбие глубоко уязвлено и горько страждет... А потом? Потом, как водится, жалобы, проклятие на жизнь, на судьбу, элегии о развалинах разрушенного счастья, об обманутых надеждах, об исчезнувших призраках и пр. Знаете ли что? Эти плаксивые элегии, над которыми у нас столько смеются, иногда заключают в себе глубокий смысл: сердце обливается кровью, когда подумаешь об них с этой стороны! Да – горе тому отцу, который не высечет больно своего недоучившегося сына за его первые стихи, а всего пуще – за его первую повесть!..

Я хотел говорить о «Повестях Безумного», а занес бог весть о чем. Посему считаю нужным

сделать замечание для людей, любящих приложения, что все сказанное мною они должны почитать чистою поэтическою фантазией), не имеющею никакого отношения к упомянутым повестям.

Что сказать об этих повестях? Это ни больше, ни меньше, как до крайности неудачная подделка под тон повестей Бальзака и Дюма. Г-н Безумный преуморительным образом корчит из себя особенно Дюма и пребезбоязненно обкрадывает его. Так, например, к концу своей чудовищной повести «Кто бы мог ожидать этого?» ни к селу, ни к городу приделал окончание рассказа Дюма: «Une vengeance»[1], уже давным-давно переведенного в «Телескопе» {4}. Подобно Дюма, он создал, или, лучше сказать, *сварганил* себе апотеоз прелюбодеяния и, взявшись за изображение нравов нашего высшего общества, сделал из него род чего-то такого, чего нельзя и назвать печатно; на редкой странице его не найдете вы картин разврата, картин сладострастия, которые так натянуты, что даже не возбуждают ни обаяния, ни омерзения; на них можно смотреть, не боясь соблазна или тошноты. А слог? О! слог г.

Безумного есть верх совершенства! В этом случае он только в одном Бароне Брамбеусе имеет достойного себе соперника. Не угодно ли полюбоваться, например, следующими образчиками? «Ей мнилось, что лица присутствующих сливались в одно око упрека (это выражение напечатано у него курсивом: знать, хорошо!), что все голоса их, заключенные в один ужасающий звук, оглашали ядовитым смехом отвержения (ужасно!) своды зала (вот как!)». Или: «Время вечностию капало из столетия в столетия (ай! ай!)... пот крови, холодный, как лед океана (??)» и пр. Или: «Всякая буква этого имени оглушающими созвучиями (??) громила (!!)

сердце страдальцы». Или: «Избегать палящего терзания очей его». Или: «Пламень еще девственных желаний, но уже заклеянных своеволием ничтожества и бесчувственности...» Но довольно: достаточно и сих выписок, сделанных наудачу, чтобы убедить читателей, какого великого писателя имеем мы в г. Безумном. Странное дело, как можно обманываться насчет своего призвания, не сознать своей бездарности в наше время, когда законы и условия



творчества более или менее известны каждому, хотя понаслышке? Когда все хорошо понимают, что как ни громка фраза, но если она не вырвалась мгновенно из души вследствие глубокого чувства, то она пошла и отвратительна, что всякий образ безличен, когда автор не жил в нем всею своею жизнью, в то время как творил его?.. Как, наконец, можно так бессовестно обирать великих писателей, и притом из сочинений, уже переведенных и, следовательно, всем известных?.. Неужели г. Безумный думает, что он может, подобно Шекспиру и Мольеру, брать *свое*, или по крайней мере, что почитает *своим*, где ни завидит?.. {5} Чего доброго? ведь он г. Безумный, а безумным закон не писан!..

# Сноски

## 1

«МЕСТЬ» (франц.). – Ред.

[^^^]

[^^^]

# Комментарии

## 1

Псевдоним И. В. Селиванова.

[^^^]

## 2

«Александроида» — поэма П. Свечина (чч. I–IV. М., 1827–1829)

[^^^]

### 3

См. прим. 121 к «Литературным мечтаниям».

[^^^]

### 4

Белинский имеет в виду свой собственный перевод: «Мечь. Из путевых впечатлений Александра Дюма». Опубликовано в «Телескопе», 1834, ч. XXII (подпись: «С франц., В. Белинский»).

[^^^]

Белинский перефразирует известное выражение Мольера: «Я беру свое добро, где нахожу его». Эту фразу приводит Гримаре в своей книге о Мольере (J. L. Grimarest. La Vie de Moliere, 1705).

[^^^]

[^^^]